

УДК [94(436)+329]”18 / 19”

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ ЮГОСЛАВЯН АВСТРО-ВЕНГРИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

С. А. Романенко

Российская академия наук,
*Институт экономики, Центр политических исследований,
Москва*

Статья посвящена проблеме формирования национального сознания югославянских народов Австро-Венгрии в период позднего дуализма. Автор анализирует взаимосвязь политических, конфессиональных, лингвистических, социальных факторов и их влияние на идеологию партий консервативного, либерального и христианско-социального направлений.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, империя, монархия, национальное сознание, национальное самоопределение, политические партии.

Развитие Австро-Венгрии как многонационального государства определялось в конце XIX – начале XX в. двумя одновременно протекавшими процессами – внутриэтнической консолидацией и межэтнической интеграцией. В этот период ускорилось образование общеимперского рынка, отсталые окраины становились частью единого экономического организма. Неравномерность этнического и социального развития населявших монархию народов усиливалась различиями в их политико-правовом статусе. Уровень и формы политической надстройки не соответствовали объективному степени развитости у угнетённых народов этносоциального «организма». У австрийских немцев, выполнявших роль государствообразующей этнической общности, длительный процесс формирования собственной нации в это время был далёк от завершения. Венгерская нация, сформировавшаяся к середине XIX в., обладала собственной государственностью. Хорваты, достигшие зрелости внутринациональных связей в общих чертах лишь в начале XX в., сохраняли политическую автономию, включавшую некоторые существенные элементы национальной государственности. Сербь обладали на территории Венгрии национально-церковной автономией, которая объективно имела тенденцию к превращению в национально-политическую. Словенские этнические территории, хотя и входили в австрийскую часть монархии, не были объединены в единое административно-политическое образование. Автономия Боснии и Герцеговины, дарованная ей в 1910 г., не была ни боснийско-мусульманским, ни сербским, ни хорватским этнонациональным территориальным образованием¹.

¹ Среди многочисленных исследований можно выделить, например: *Bergant Z. Slovenski klasični liberalizem. Idejno-politički značaj slovenskega liberalizma letih 1891–1921.*

Неравномерность развития, различные уровни внутринациональных связей и особенности национально-политического статуса способствовали обострению отношений как между господствовавшими и неполноправными народами, так и между самими «малыми нациями». Борьба между центробежной и центростремительной тенденциями проявлялась и в этнической сфере. Однотипные внутриэтнические консолидационные процессы, протекая одновременно у разных народов, часто проживавших чересполосно, вели к столкновениям их между собой. Это препятствовало созданию единого движения угнетённых народов монархии, находило отражение и в теоретической полемике об историческом государственном и естественном праве каждой нации. С другой стороны, ясно обозначилась тенденция к интенсификации межнациональных экономических, социальных, политических и других связей в Австро-Венгрии².

Перед двуединой империей в целом и отдельными составлявшими её территориями и населявшими их народами стояла задача модернизации и нахождения новых форм национального самоопределения³. Однако возникал вопрос: возможно ли этого было добиться при сохранении целостности государства или же платой за решение этих задач должна была бы стать дезинтеграция? Национально-политическая и правовая мысль давала несколько ответов на вопрос о возможных формах реорганизации национально-политического пространства двуединой империи, занимавшей большую часть региона Средней Европы – сохранение дуалистической

Ljubljana, 2000; *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. Zagreb, 1999; *Donia R. J.* Islam pod Dvoglavim orlom: Muslimani Bosne i Hercegovine 1878.–1914. Prijev. s engl. Sarajevo, 2000; *Filandra Š.* Bošnjačka politika u XX. stoljeću. Sarajevo, 1998; *Goldstein I.* Hrvatska povijest. Zagreb, 2003; *Haselsteiner H.* Ogleđi o modernizaciji u Srednoj Evropi. Prijev. s njem. Zagreb, 1997; *Jelavich B. and Ch.* The Establishment of the Balkan National States, 1804–1920. Seattle and London, 1977; *Kann R. A. and David Z. V.* The Peoples of the Eastern Habsburg Lands, 1526–1918. Seattle and London, 1984; *Povijest Hrvata. Druga knjiga. Od kraja 15.st. do kraja Prvoga svjetskoga rata.* Odg. ur. Mirko Valrentić, Lovorka Čoralić. Zagreb, 2005; *Suppan A.* Oblikovanje nacije u građanskoj Hrvatskoj (1835–1918.) Prijev. s njem. Zagreb, 1999; *Tanner M.* Croatia. A Nation Faged in War. Second edition. New Haven and London, 2001; *Екмечић М.* Стварање Југославије. 1790–1918. Београд, 1989; *Крестућ В.* Историја Срба у Хрватској и Славонији 1848–1914. Београд, 1991.

² О современной историографии истории национальных движений южных славян Австро-Венгрии см.: *Романенко С. А.* История и этнонационализм в постсоциалистическом мире: югославский вариант (1980-е–1990-е гг.) // Национализм в мировой истории. М., 2007; *Его же.* Советская югославистика между славяноведением и региональными исследованиями, 1917–1990-е гг. // Новое литературное обозрение 2009. № 3; *Его же.* Австро-Венгрия и южные славяне конца XX – начала XX вв. в современной историографии постъюгославских государств // Славяноведение. 2011. № 3; *Фрейдзон В. И.* Основные тенденции межвоенной историографии югославизма 1914–1941 годов // Славяноведение. 1997. № 6; *Его же.* О хорватской историографии 1950–1980-х гг. по национальной идеологии // Славяноведение. 1999. № 5.

³ *Stančić N.* Hrvatska nacija i nacionalizam u 19. i 20. stoljeću. Zagreb, 2002. S. 51–62, 118–130; *Маткович Ст.* Хорватские политические партии и идея модернизации в начале XX века // Австро-Венгрия, Центральная Европа и Балканы с XI до начала XX века. М.; Ставрополь; СПб., 2011. С. 232–244.

системы, превращение её в триалистическую (создание третьего образования на основе хорватского или чешского государственного права) или же федерализация. Альтернативой всем возможным путям развития был распад, реальность которого, однако, не осознавалась вплоть до последнего периода Первой мировой войны. Ключевым для империи и монархии был вопрос о перераспределении власти. Он означал стремление к политической власти слоев, заинтересованных в модернизации Австро-Венгрии в целом, независимо от национальной принадлежности той или иной партии или движения. Это предполагало изменение социального характера, полномочий и функций существовавших политических институтов, обретение права на самоопределение активно формировавшимися нациями было невозможно без перестройки дуалистической национально-политической системы.

Колебания сторонников модернизации и национального самоопределения между центристской и центробежной тенденциями протекали, с одной стороны, из усиления экономической и социальной взаимосвязей различных частей государства Габсбургов, из представления о монархии как о гаранте социальной стабильности и национального существования, а с другой – из неудовлетворенности несоответствием степени своего участия в государственном управлении уровню экономического, социально-политического и национального развития. При всей оппозиционности династии, Вене и Будапешту модернизационно ориентированные национальные движения неполноправных народов были готовы поступиться частью собственного политического суверенитета и суверенитета своей нации в пользу господствовавших наций, в пользу монархии и династии. Эта внутренняя противоречивость неизбежно отражалась и в многочисленных проектах национально-политического переустройства государства, появлявшихся на рубеже веков.

В Хорватии-Славонии, как и в других областях Австро-Венгрии, у национальных движений хорватов и сербов не было внутреннего идеологического, политического, тактического и стратегического единства. Расходились эти движения и между собой. В каждом из них действовало несколько партий, группировок, отличавшихся друг от друга не только взглядом на проблемы модернизации и самоопределения своей нации, но и имущественным положением, степенью политических прав, локальными связями и ориентацией либо на Вену, либо на Будапешт. Это приводило к тому, что внутри каждого из них имелись сторонники различных социальных и национально-политических концепций – от консервативных до радикальных. Аристократия, чиновничество, духовенство имели сильные позиции в духовной и политической жизни Хорватии. Эти слои в основном и составляли социальную базу режима К. Куэна-Хедервари, установленного в 1883 г. Опираясь на отражавшую их интересы Национальную партию, в которую входили как хорваты, так и сербы, бану удалось создать режим личной власти при сохранении внешних атрибутов конституционного строя.

В программных установках хорватского и сербского национальных движений в 80–90-е гг. XIX в. тесно переплетались принципы исторического государственного права, естественного права, понятие «политической нации», идеи равноправия, суверенитета, восстановления территориально-го единства этнических территорий⁴.

В противовес представлению о нации как о исключительно политической общности постепенно закреплялось представление о ней как о совокупности людей, обладающих общностью языка, культуры самосознания, конфессии, психического склада, образа жизни и мышления, происхождения и исторических судеб. Изменялось и политическое содержание понятия «нация». Хотя в 80–90-е гг. XIX в. она не рассматривалась как социальная общность, однако в неё включались более широкие по сравнению с *Natio Croatica* слои. В 1880-е гг. в идеологии хорватского национального движения сохранились три основных течения: консервативное (Национальная партия), либеральное (Хорватская независимая национальная партия, ХННП Й. Ю. Штроссмайера и Ф. Рачки) и радикально-демократическое (Хорватская партия права А. Старчевича).

Национальная партия выступала за неприкосновенность системы дуализма и Соглашения 1868 г., однако протестовала против нарушений Соглашения со стороны правительства Венгрии⁵. Слои, составлявшие социальную базу ХННП, хотя находились в лояльной оппозиции системе дуализма, сохранили свою приверженность династии Габсбургов и идее единого государства, зафиксированной в хорватской Прагматической санкции 1712 г. В программе 1883 г. эта партия выдвинула требование частичного объединения в рамках автономной Хорватии большей части хорватских этнических территорий – Хорватии-Славонии, Далмации и Риеки, ссылаясь при этом на содержавшееся в Соглашении право и обязательство Венгрии поднять вопрос о присоединении двух последних областей к Хорватии. Хотя в них также проживали и сербы и объективно это присоединение означало политическую консолидацию сербских земель в Австро-Венгрии, идеологи ХННП считали эти области в этническом отношении исключительно хорватскими⁶.

ХННП поставила вопрос о том, чтобы Хорватии была «гарантирована самостоятельность, основанная на государственно-правовой индивидуальности королевства»⁷. Должен был быть расширен круг вопросов, подпадающих под юрисдикцию автономных учреждений, и соответственно сокращено количество так называемых общих дел венгерской и хорватской короны. Это предполагало передачу в руки автономного правительства хорватских департаментов четырёх общих министерств венгерской короны (финансов, земледелия, торговли и промышленности, общественных работ и путей сообще-

⁴ Zakoni o hrvatsko-ugarskoj nagodbi. Zagreb, 1907.

⁵ Cipek T., Matković S. Programni dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina 1842–1914. Zagreb, 2006. S. 322–331.

⁶ Программу ХННП см.: Što hoće neovisna narodna stranka. Zagreb, 1884. Также см.: Strossmayer J. J., Rački F. Politički spisi. Zagreb, 1971.

ния), расширение компетенции автономных властей без изменения принципов управления и национально-государственного устройства.

Программа партии, получившая название субдуализма, отражала недовольство хорватской буржуазии статусом Хорватии в существовавшей национально-политической системе. Не выступая против дуализма в принципе, она требовала пересмотра некоторых пунктов Соглашения 1868 г., что создало бы благоприятные условия для развития буржуазных отношений и модернизационного процесса в Хорватии-Славонии⁷.

Национально-государственная программа второй оппозиционной партии – Хорватской партии права – содержала требование радикального изменения статуса Хорватии в рамках монархии. Идеолог и руководитель партии А. Старчевич отвергал австро-венгерский дуализм и не признавал Соглашение 1868 г. Партия права видела выход в отделении от Австрии и Венгрии и создании независимого хорватского государственного образования в границах монархии, связанного с остальными частями государства только личностью монарха (персональной унией). Осуществление этого проекта привело бы к триалистическому переустройству империи. Подобно ХННП, Партия права сохраняла верность династии и не стремилась к полному государственному отделению от монархии. Хотя теоретически признавалась возможность решения хорватского национального вопроса вне границ империи, практически, по мнению тех же «правашей» (как называли членов партии. – С. Р.), сами хорваты добиться этой независимости не могли без благоприятной международной ситуации⁸.

Нашло своё выражение в программе Партии права и стремление к преодолению административно-политической раздробленности этнических хорватских территорий. Основываясь на принципах хорватского исторического государственного права, она требовала присоединения к Хорватии-Славонии, считавшейся средоточием хорватской нации, не только Далмации и Риеки, но и Истрии, Меджимурья, а также Боснии и Герцеговины, которые провозглашались чисто хорватскими территориями.

Крупной вехой в развитии идеологии буржуазного хорватского национального движения была программа «Объединенной оппозиции», принятая Хорватской национальной партией независимости и Хорватской партией права 24 июля 1894 г. Она представляла собой синтез программ обеих партий, была попыткой преодоления идеологического и организационного раскола в национальном движении хорватов. Этот документ свидетельствовал об окончательном переходе хорватской мелкой и средней буржуазии

⁷ Фрейдзон В. И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970. С. 74–79. О некоторых других аспектах национально-политической идеологии хорватского и сербского национальных движений в Австро-Венгрии в конце XIX – начале XX вв., например, см.: Романенко С. А. Католицизм и православие в формировании хорватской и сербской наций на территории Хорватии, Славонии и Далмации // Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999. С. 54–111.

⁸ Cipek T., Matković S. Programni dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. S. 281–283. Также см.: Starčević A. Politički spisi. Zagreb, 1971; Starčević A. Izabrani politički spisi. Zagreb, 1999; Turkalj J. Pravaški pokret 1878–1887. Zagreb, 2009.

и её политических представителей на позиции легальной борьбы за реформы в рамках Габсбургской монархии⁹.

В программе провозглашалось традиционное требование хорватского национального движения: политическое объединение этнических территорий путём присоединения к Хорватии-Славонии Далмации, Риеки, Меджимурья, Истрии, Боснии и Герцеговины и создание «одного самостоятельного государственного образования хорватского народа, проживающего в границах габсбургской монархии»⁹, т. е. содержался важный элемент принципа самоопределения наций. Ясно заявлялось о приверженности оппозиции границам монархии, что свидетельствовало об отходе «правашей» от их прежних убеждений. Как и её предшественницы, Программа 1894 г. игнорировала существование двух наций, а территории с хорватским и сербским населением провозглашала исключительно хорватскими. Оппозиция выступала за «устройство королевства Хорватии на принципах правового, конституционного и свободного государства». Это предполагало расширение парламентаризма, что, по мысли авторов, обеспечивало бы нации возможность «через своих представителей во всех областях жизни на принципах парламентского правления исполнять законодательную власть в согласии с короной».

«Дела, общие для всей монархии и проистекающие из Хорватской прагматической санкции, королевство Хорватии должно решать равноправно с королевством Венгрией относительно остальных земель его Величества», – гласила программа. Эта формулировка давала возможность толковать данный пункт и в духе субдуализма ХННП (т. е. равноправия Хорватии и Венгрии в рамках дуализма), и в смысле триалистических устремлений «правашей» (равноправие Хорватии с Австрией и с Венгрией).

Во второй половине 1890-х гг. партия А. Старчевича пересмотрела свои позиции и окончательно отходит от платформы 1860–1870-х гг. Она постепенно превращалась в организацию, использовавшую радикальную терминологию, но стремившуюся к решению хорватского вопроса в границах монархии. Это соответствовало закономерностям эволюции радикализма вправо по мере развития капиталистических отношений.

Борьба между двумя течениями в партии привела в 1895 г. к её расколу. Сторонники нового лидера партии – Й. Франка создали Истинную партию права, впоследствии переименованную в Старчевичеву партию права¹⁰. Обращение к принципам исторического государственного права и идеям триалистического переустройства монархии было для них поиском выхода перед лицом ускорявшегося развития капитализма, несшего многим из них опасность разорения и пролетаризацию, которые они считали результатом национального угнетения со стороны венгров.

Другая часть партии в большей степени ориентировалась на Будапешт, продолжала сотрудничать с ХННП. Вместе с ней они в 1902–1903 гг. создали под традиционным названием новую Хорватскую партию права,

⁹ Текст документа, например, см. *Ibler J. Hrvatska politika*. 1903. Zagreb. 1914. S. 210–211.

¹⁰ *Cipek T., Matković S. Programni dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina*. S. 368–369.

также признававшую Программу 1894 г. Эта партия с 1905 г. выступала за хорватско-сербское национальное единство и политическое сотрудничество. Сильное влияние на её программу оказали и христианско-социальные концепции¹¹.

В конце XIX в. происходило идейное и организационное расслоение в сербском национальном движении на территории Хорватии-Славонии и Воеводины. Единая политическая организация – Сербская национальная партия свободомыслящих распалась на три направления, каждое из которых создало собственную партию.

25 мая (6 июня) 1887 г. в Сремских Карловцах было официально провозглашено создание Сербской независимой национальной партии (СННП) и приняты её программа и устав. В программе признавалась общность «интересов хорватской и сербской нации по отношению к венгерскому королевству», т. е. она исходила из необходимости сохранения Хорватии в рамках Венгрии и стремления к пересмотру Соглашения 1868 г. в сторону расширения автономии¹². Совпадение с позицией ХННП создавало основу для политического сотрудничества этих партий, отражавших интересы буржуазных слоёв обеих наций, ориентированных на Венгрию.

Сербские «независимцы» провозглашали себя защитниками интересов сербов в Хорватии, в связи с чем на первый план выдвигались требования признать сербскую нацию наравне с хорватской субъектом государственного права. В том же направлении шло требование «предоставления равноправия хорватскому и сербскому языкам», т. е. признания права официального употребления кириллического алфавита наравне с латинским. Это было очень существенным политическим требованием, ибо «хорватский язык» по венгерско-хорватскому Соглашению 1868 г. был одним из атрибутов «политической нации».

В 1887 г. конституировалась и другая сербская оппозиционная партия – Радикальная. Практически её программа – признание национальной индивидуальности сербов и их равноправия с хорватами, признание Соглашения 1868 г. при требовании его пересмотра законным путём, введение всеобщего избирательного права при тайном голосовании, упрощение государственной администрации – была очень близка программе «независимцев»¹³.

В 1880–1890-е гг. были сделаны значительные шаги в разработке идеологии хорватского и сербского национальных движений, в том числе и национально-государственных программ. Были поставлены вопросы о расширении компетенции и прав автономного сабора Хорватии-Славонии, о частичном объединении в границах монархии этнических территорий

¹¹ *Čipek T., Matković S.* Programni dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. S. 464–466.

¹² *Крестић В., Љушић Р.* Програми и статуту српских политичких странака до 1918. године. Београд, 1991. С. 149–150, 157–160. Также см: *Artuković M.* Ideologija srpsko-hrvatskih sporova (Srbobran 1884–1902). Zagreb, 1991; *Rumenjak N.* Politička i društvena elita Srba u Hrvatskoj potkraj 19. stoljeća. Uspon i pad srpskog kluba. Zagreb, 2005.

¹³ *Крестић В., Љушић Р.* Програми и статуту српских политичких странака до 1918. године. С. 101–106, 217–228

хорватов и сербов, о развитии политической системы Хорватии в направлении парламентаризма.

По мере усиления социальной дифференциации происходила перегруппировка политических сил. И хорватским, и сербским политикам в те годы были свойственны попытки рассматривать проблемы национальной государственности с чисто политической точки зрения. Для национальных движений в этот период были также характерны национальная замкнутость и игнорирование интересов проживавшей на этой же территории другой нации. В начале 1900-х гг. перед идеологами национальных движений встали задачи разработки новой трактовки принципов государственного права, исходящего из факта проживания на одной территории двух этнически близких народов и социального расслоения, отказа и от исторического государственного права, и от традиционного толкования естественного права, исходящих из принципа «одна нация – одно государство».

В 1903–1914 гг. вследствие завершения в общем внутриэтнических консолидационных процессов у хорватов и сербов качественно иного уровня достигло развитие наций, изменялись формы, интенсивность и содержание связей между ними.

Консерваторы и выражавшая их интересы и настроения Национальная партия – сторонники сохранения системы дуализма и противники модернизации – всё больше теряли свой авторитет и способность разрешить многочисленные конфликты. Ослабление консервативных кругов, усиление реформаторских и модернизационных – либеральных и демократических, но нереволюционных – политических сил в хорватском и сербском национальных движениях, противоречия в собственном лагере вынудили правящие классы монархии перейти к поискам новой тактики и методов управления.

Период 1903–1914 гг. характеризуется, с одной стороны, готовностью хорватского и сербского национальных движений идти на компромисс с монархией, её заинтересованностью в сохранении целостности государства и некоторыми уступками со стороны Вены и Будапешта – предоставлением национальной буржуазии большей степени участия в управлении (1906–1907 гг.), реформой избирательной системы, увеличившей число избирателей (1910 г.), созданием в автономном правительстве нового департамента «национальной экономики» (1913 г.). С другой стороны, когда национальное движение приобретало слишком сильный характер, власти шли либо на установление в Хорватии прямого правления бана, распуская или закрывая на неопределённый срок сабор (1907–1910, 1911 гг.), либо на введение комиссариата, т. е. неконституционного правления (1912–1913 гг.). А это, в свою очередь, привело к всплеску политического терроризма под знаменем национального освобождения югославян. Самым знаменитым стал выстрел Гаврилы в Сараево 28 июня 1914 г.

Крупным шагом в развитии национальной идеологии у хорватов и сербов стал так называемый «новый курс», идея которого зародилась в 1903–1905 гг. в среде оппозиционно настроенных хорватских политиков Далмации. По-

скольку югославянский вопрос объективно становился одним из ключевых вопросов существования габсбургской монархии, «новый курс» был реакцией инославянской буржуазии на кризис дуализма, отражал её представления о путях развития и возможности сохранения Австро-Венгрии как единого многонационального буржуазного государства в условиях обострившегося в 1903–1907 гг. кризиса в австро-венгерских отношениях. В то же время он отражал и объективные тенденции развития хорватской и сербской наций в монархии. Значительное воздействие на него оказали внешние события – государственный переворот в Сербии в 1903 г., революция 1905 г. в России, усиление германской политики «Дранг нах Остен».

Наиболее последовательно и всесторонне принципы «нового курса» были сформулированы в принятых в октябре 1905 г. хорватскими и сербскими политиками соответственно Риекской (3 октября 1905 г.) и Задарской (17 октября 1905 г.) резолюциях¹⁴. основополагающими элементами «нового курса» были осознание взаимосвязи национальной и социальной политики, идея совместной борьбы хорватской и сербской наций за своё освобождение, ориентация на венгерские оппозиционные круги, стремление к противодействию германской экспансии на юго-востоке Европы.

Авторы обеих резолюций, исходя из государственно-правового положения и исторических судеб хорватов и сербов, четко сформулировали принцип самоопределения «своих» наций. Хорватские либералы подразумевали под этим «право каждой нации свободно и независимо определять условия своего существования и решать свою судьбу». В конкретных исторических условиях они имели в виду частичное политическое объединение этнических хорватских территорий в границах монархии в соответствии с Соглашением 1868 г., т. е. присоединение к Хорватии и Славонии, а также введение на этих территориях в полном объёме буржуазных политических прав и свобод. Исходя из принципа самоопределения, хорватские представители заявили о поддержке борьбы венгерской оппозиции за «обретение королевством Венгрией полной государственной независимости». Это не означало его отделения от монархии и создания независимого государства, ибо венгерские оппозиционные партии, победившие на выборах в парламент в 1905 и 1906 гг., требовали пересмотра существовавшей системы и установления персональной унии. Хорватские либералы выступали не только за соблюдение Соглашения 1868 г., но и за «изменение отношений, относящихся к области общих дел у Хорватии как с Венгрией, так и с западной половиной монархии», т. е. равенства Хорватии как с Венгрией, так и с Австрией. По их мнению, это могло привести к реализации права хорватов на самоопределение в границах государства Габсбургов. Под этим правом они понимали «самостоятельное культурное, политическое и хозяйственное развитие». Хорватские либералы считали, что право на самоопределение можно осуществить и в границах монархии. Важное место занимало и требование расширения автономии Хорватии в рамках Венгрии как необходимого следствия достижения последней независимости. В Ри-

¹⁴ Ibler J. Hrvatska politika. Druga knjiga. 1904–1906. Zagreb. 1914/1917. S. 372–373, 389–390.

екской резолюции содержалось близкое к Программе 1894 г. требование об «изменении круга дел, являющихся общими для Хорватии и для Венгрии». Вместе с тем, выдвигая требование на самоопределение для «своей» нации, хорватские либералы ни словом не обмолвились о предоставлении такого же права другим угнетенным народам монархии.

Сербские представители в свою очередь высказались в поддержку «стремления каждой нации самой определять своё бытие и решать свою судьбу». В отличие от авторов Риекской резолюции они полагали, что «обретение Венгрией государственной самостоятельности в полном объёме сделает возможным соглашение мадьярской нации с невенгерскими народами королевства»¹⁵, в первую очередь с сербами. Это должно было привести к реализации права на самоопределение. Задарская резолюция также обуславливала поддержку требований хорватского национального движения признанием с его стороны равноправия хорватов и сербов.

В условиях усиливавшегося в Австро-Венгрии «кризиса верхов», обострения классовой и национальной борьбы хорватская и сербская буржуазия увидели объективную необходимость совместных действий, осознали совпадение классовых интересов независимо от национальной принадлежности. Отражением этой тенденции было создание в октябре–декабре 1905 г. Хорватско-сербской коалиции (ХСК), в которую вошли признавшие принципы «нового курса», а также Риекскую и Задарскую резолюции политические партии Хорватии: Хорватская партия права (ХПП), Хорватская народная прогрессистская партия (ХНПП) организация оппозиционной хорватской буржуазии Славонии, Сербская национальная независимая партия (СННП). Сербская национальная радикальная партия (СНРП) вышла из ХСК в августе 1907 г., а Социал-демократическая партия Хорватии и Славонии – в апреле 1906 г. Социальную базу коалиции составили слои, заинтересованные в сохранении связей с венгерским рынком и капиталом. В национально-политическом отношении ХСК была объединением сил, стремившихся к сохранению системы дуализма при проведении некоторых реформ.

Ещё в первом документе коалиции – предвыборном воззвании от 12 декабря 1905 г. – была продолжена разработка принципа самоопределения наций применительно к специфическим условиям Хорватии-Славонии¹⁶. Авторы воззвания подчеркивали, что «дуалистическое устройство монархии, основанное на привилегиях одних и угнетении других наций и классов, шатается в самом своём основании». Восставая против «данного государственного объединения», руководители коалиционных партий требовали «конституционной свободы, основанной на равноправии и равенстве». «Право на национальное самоопределение» наряду с «правом самых широких слоёв народа» и решением хорватско-сербского спора было названо «одним из условий нормального развития национальной жизни». Право

¹⁵ В политической терминологии XIX – начала XX в. понятие «венгерский» обозначало государственно-политическую принадлежность, а «мадьярский» – этническую.

¹⁶ *Ibler J. Hrvatska politika. 1904–1906. S. 465–469.*

наций на самоопределение рассматривалось в неразрывной связи с социальным моментом. Хорватские и сербские либералы признавали, что общество и нация разделены на различные классы или слои, каждый из которых мог иметь свои собственные интересы. Борьба за право наций на самоопределение увязывалась с борьбой за права угнетённого, политически неполноправного народа – трудящихся слоёв.

Признание хорватов и сербов «одной нацией с двумя наименованиями» давало возможность в завуалированной форме поставить вопрос о праве на самоопределение сербской нации в рамках как монархии в целом, так и венгерского королевства. Кроме того, это позволяло рассматривать всё население Хорватии-Сланонии как единый в национально-политическом отношении субъект государственного права, что усиливало позиции национальных движений в борьбе за реформы.

Впоследствии на съездах Хорватской народной прогрессистской партии (3–4 июня 1906 г.) и Хорватской партии права (22 августа 1907 г.)¹⁷ выявились расхождения между левым и правым течениями хорватского либерализма в вопросе о национальном самоопределении. ХНПП, выражавшая интересы и настроения интеллигенции, студенчества, части средней и мелкой буржуазии, была более последовательной. Исходя из принципа, что «нация является источником всех прав в государстве», прогрессисты отстаивали право «каждой нации объединяться и управлять своей судьбой в собственном государстве». Хотя на практике они никогда не выходили за рамки традиционных требований хорватского национального движения и не ставили вопроса о создании полностью независимого национального государства, такая формулировка допускала подобную возможность. ХПП, представительница крупной и средней промышленной, торговой и финансовой буржуазии города и деревни, части чиновничества и духовенства, ставила вопрос о реализации права на самоопределение хорватской нации только в границах монархии. Хотя её идеологи и провозглашали, что «государственная власть проистекает из суверенного права нации», они считали возможным политическое объединение хорватских этнических территорий под скипетром монарха из дома Габсбургов, который одновременно являлся бы и королём Хорватии по историческому праву и Хорватской прагматической санкции.

Идеологи коалиции стремились найти объяснение характера складывавшейся своеобразной экономической, политической и социальной общности хорватов и сербов, что имело большое значение для дальнейшей разработки буржуазного государственного права. «Хорваты и сербы – это одна нация с двумя национальными наименованиями», – считали прогрессисты. Сходной точки зрения придерживалась и Партия права, в программе которой «братьями» названы также и словенцы. ХПП призывала хранить «согласие и взаимность с нашими единокровными братьями – сербами с

¹⁷ Программы ХНПП и ХПП излагаются по изданиям: Program i organizacija hrvatske pučke napredne stranke. Zagreb, 1906; Program i pravilnik hrvatske stranke prava (članice koalicije). Prihvaćen na glavnoj skupštini 22. kolovoza 1907. Zagreb, 1907.

убеждением, что они будут прогрессировать в своём политическом и материальном развитии, а также в стремлении к государственной самостоятельности и независимости королевства Хорватии». Официальная формула, принятая в 1907 г. сабором Хорватии-Славонии, гласила, что нация в Хорватии едина, «будь то хорваты или сербы»¹⁸. Теория единой нации позволяла достичь временного компромисса между национально-либеральными течениями в национальных движениях обоих народов. Она предполагала включение сербов в хорватскую политическую нацию при частичном признании их этнической индивидуальности, но не признавала за ними индивидуальности политической.

Существенные изменения произошли и в политике сербских либералов. В конце 1902 г. на съезде Сербской независимой национальной партии (СННП) была пересмотрена и дополнена программа 1887 г. Сохранив своё требование о расширении автономии Хорватии-Славонии путём ревизии Соглашения 1868 г. и признания идентичности интересов хорватской и сербской наций по отношению к Венгрии «в области общественной, культурной и гуманитарной», СННП выдвинула требование о предоставлении Хорватии автономии в области финансов, что сблизило её с позицией хорватских оппозиционных сил, в особенности с продолжателями политики Хорватской национальной независимой партии¹⁹.

Была значительно усилена политическая направленность национальных требований сербского народа. Подтвердив положения об идентичности интересов сербов и хорватов по отношению к Венгрии и защите «национальной индивидуальности» сербов, о так называемом равноправии языков, католической и православной религии (термин «православная церковь» был заменён на «сербская православная церковь»), СННП добивалась того, чтобы узаконить использование сербского знамени в качестве «символа сербской национальности». По Соглашению 1868 г. только хорватская «политическая нация» имела свой флаг. СННП высказалась также за равноправное употребление «сербского и хорватского языков» в общих учреждениях на территории Хорватии–Славонии. Политическую окраску имел и постулат об оказании «экономическим учреждениям сербской нации такой же законной помощи, как и государственным», т. е. хорватским.

Эти положения тесно увязывались с принципиальной позицией сербской буржуазии, требовавшей в качестве одного из важнейших моментов права на самоопределение своей нации установления её юридического и политического равноправия с хорватской нацией. Сербские «независимцы», исходя из тезиса о полном равноправии сербов и хорватов, «защищали и представляли сербскую национальную индивидуальность, а также право сербской нации как таковой на автономию сербской православной церкви и школы на основании исторического принципа с получением права... на официальное представительство, управление и верховный надзор [над ними] единственно со стороны короны». Под «историческим

¹⁸ Цит. по: Gross M. Vladavina hrvatsko-srpske koalicije. 1904–1907. Beograd, 1960. S. 152.

¹⁹ Програм српске narodne samostalne странке. Загреб, 1903.

принципом» в данном случае понимались светские политические права, которыми обладала сербская православная митрополия и которые она утратила в конце XVIII в.

Требования партии в области национально-церковной автономии шли в направлении придания её институтам функций, фактического признания не только этнической, но и политической индивидуальности сербов в Хорватии-Славонии и в собственно Венгрии. СННП, ссылаясь на «высочайшие привилегии» и законы 1790–1791, 1848 и 1868 гг., а также на постановление сабора Хорватии от 14 мая 1887 г., требовала от своих депутатов в национально-церковном саборе вести «борьбу за неукоснительное соблюдение законов об автономии», против вмешательства центральных властей, т. е. за право сабора принимать окончательные решения в рамках его компетенции. В своей основе это требование перекликалось с призывом хорватских либералов к невмешательству во внутренние дела Хорватии со стороны «общего правительства» в Будапеште. Однако ссылка на законодательство, гарантировавшее сербам особый статус по сравнению с другими невенгерскими народами Венгрии, противоречила декларациям о равноправии этих народов. Всё это говорит о тенденции к превращению национально-церковной автономии в национально-политическую, а сабора – в парламент, верховное представительство сербской нации.

В октябре 1910 г. произошло объединение Хорватской партии права и прогрессистов. Программа вновь созданной в результате их слияния Хорватской объединенной партии независимости (ХОПН)²⁰ сильно отличалась от Риекской и Задарской резолюций, от прежних программ этих партий. В особенности это касается прогрессистов, которые пошли на значительные уступки ХПП. Таково было следствие общего поворота вправо в политической жизни Австро-Венгрии. Главной целью было провозглашено создание «передовой монархии, сильной совместной деятельностью всех наций», сохранение целостности государства.

ХОПН подтвердила своё признание Соглашения 1868 г. в качестве основного закона Хорватии, хотя и говорила о необходимости установления «справедливой государственной общности с королевством Венгрии», выступая фактически за политическое равноправие хорватского и венгерского королевств в рамках Транслейтании. В то же время хорватские независимцы, исходя из единства хорватов и сербов и принципа национального самоопределения, а также в соответствии с государственно-правовыми договорами, законами и королевскими присягами, выступали за объединение тех земель габсбургской монархии, в которых проживает «нация хорватского и сербского наименования».

Если раньше хорватские либералы говорили о праве на самоопределение только для своей нации, то теперь, опираясь на принцип «национального единства и самоопределения», они выступили за «объединение тех земель габсбургской монархии, в которых проживает нация хорватского и сербского наименования». Это был крупный шаг навстречу сербским

²⁰ Программа излагается по изданию: Hrvatska ujedinjena samostalna stranka. Zagreb, 1911.

либералам, обусловленный не в последнюю очередь желанием избежать с ними конфронтации по вопросу о судьбе Боснии и Герцеговины, аннексированных Австрией.

В конце концов для достижения компромисса с правительством Венгрии ХСК перешла на позиции полной поддержки Соглашения 1868 г.

На рубеже XIX и XX вв. происходит оформление и национально-государственной идеологии хорватской мелкой буржуазии, игравшей значительную роль в политическом развитии Хорватии. Этот социальный слой не создал единой политической организации, его интересы защищали партия Й. Франка и партия М. Старчевича. Основой подхода этих партий к проблемам национальной государственности служили тесная связь с австрийским рынком, антагонизм к венгерской буржуазии и помещикам и, как следствие, стремление к политическому союзу с монархией Габсбургов.

Партия Й. Франка, формально провозгласившего себя идейным и политическим наследником А. Старчевича, постоянно соперничала с ХСК, в первую очередь с ХПП. В области национально-государственных преобразований обе эти партии своим основополагающим документом считали программу 1894 г. Каждая из них в соответствии с интересами представляемых ею различных слоёв хорватского общества ориентировалась соответственно на австрийский или венгерский рынок. Это не исключало совпадения точек зрения по многим вопросам, что обуславливалось наличием целого ряда общенациональных задач и требований.

Партия Й. Франка своё отношение к монархии Габсбургов (и как к государству, и как к правящей династии) строила на основе Хорватской прагматической санкции 1712 г., провозглашавшей нерасторжимость наследственных земель австрийской короны²¹. Она продолжала резко отрицательно относиться к системе австро-венгерского дуализма и в особенности к Соглашению 1868 г. «Франковцы» выступали против провозглашённой в этом соглашении «политической общности» Хорватии и Венгрии. Исходя из этого, своей главной задачей партия Франка считала «завоевание государственной самостоятельности», под которой понималось «право принимать самостоятельные решения о наших (т. е. хорватских. – С. Р.) делах и принимать законы»².

Политическим идеалом руководителей партии было создание такого положения в Хорватии, при котором «в габсбургской монархии должно существовать Хорватское королевство, но в качестве самостоятельного государства». Это была программа преобразования монархии в духе триализма, которая, не отвергая сам принцип существовавшего национально-государственного устройства, требовала лишь, чтобы Хорватия приобрела равные с Австрией и Венгрией права и статус. Франковцы свои надежды и политические иллюзии черпали в прошлом (ссылки на древнее хорватское историческое право времен королевства Томислава 925 г.) и ориентировались на те политические силы, которые ни объективно, ни субъективно не могли осуществить эти требования, т. е. на австро-немецкую монархию и

²¹ Программа излагается по изданию: Starčevićeva hrvatska stranka prava. Zagreb, 1907.

клерикальные круги. В поисках союзников для осуществления своих планов они вступили в контакт с великоавстрийской группировкой эрцгерцога Франца Фердинанда. Франковцы выдвинули пользовавшийся её поддержкой и по своей сути направленный против Венгрии проект создания «Великой Хорватии» в рамках «Великой Австрийской монархии». Они выступали против пункта Соглашения 1868 г. о едином акте коронования. По их мнению, королем Хорватии должен был стать австрийский монарх, коронованный в Загребе хорватской короной. Основным принципом политической власти как «франковцы», так и их оппоненты считали согласие короля и нации, т. е. видели свой идеал в конституционной монархии.

Положение о хорватской нации как о единственном носителе хорватской государственности было направлено не только против идеи «единого мадьярского государства», определявшей политику правящих классов Венгрии, но и против сербской буржуазии, активно требовавшей признания своей национальной индивидуальности. «Франковцы», исходя из принципа «одна нация – одно государство», считали, что признание существования сербской нации в Хорватии означает и «признание в Хорватии сербской короны, уничтожение хорватской нации и королевства».

Одной из центральных задач, стоявших перед хорватской нацией, партия Й. Франка считала политическое объединение хорватских этнических территорий, которые, согласно хорватскому государственному праву, должны «составлять одно государство». К этим землям она относила Далмацию, Риеку, Боснию и Герцеговину, Славонию, Крайну, Истрию, Штирию, Каринтию. Но это не была югославистская программа объединения двух наций; планы франковцев были националистической программой, в основе которой лежало не только отрицание существования сербской нации в Хорватии, Боснии и Герцеговине, но и распространение хорватского естественного и государственного права на уже сложившуюся словенскую нацию. Осуществление подобной программы привело бы к ещё большему обострению национальных противоречий в Габсбургской монархии.

В сентябре 1910 г. партия Й. Франка объединилась с политической группировкой националистически настроенного духовенства, печатным органом которого была газета «Хрватство». Программа новой Христианско-социальной партии права подтверждала непоколебимую приверженность государственно-правовой программе 1894 г. Признавая наличие общенациональных задач, партия заявляла о своём намерении «особое внимание уделять интересам хорватского крестьянства, рабочих и ремесленников», провозгласив себя политическим представителем этих социальных слоёв. В этом признании нашла своё отражение социальная политика католической церкви, сформировавшаяся под влиянием энциклики папы Льва XIII «*Regum novarum*»²².

Сторонники партии отрицали существование сербской нации в Хорватии. Считая конфессиональную принадлежность этническим признаком,

²² Gross M. *Izorno pravaštvo. Ideologija, agitacija, pokret*. Zagreb, 2000; Pravaška misao I politika. Zbornik radova. Zagreb, 2007.

они соглашались с тем, что «в единой хорватской нации существуют несколько вероисповеданий», т. е. признали прежде всего религиозную индивидуальность сербского населения. В апреле 1908 г. в партии Й. Франка произошёл раскол: от неё откололась группа политиков, сумевших впоследствии объединить под своими знамёнами 9 из 24 депутатов сабора, избранных в 1908 г. от этой партии. Разногласия, приведшие к конфликту, постоянно накапливались с 1906 г. и заключались в различной оценке общей политической ситуации в Хорватии и политики партии.

М. Старчевич в программе своей партии (1909 г.) провозгласил возврат к учению А. Старчевича²³. Самым важным было его признание теоретической возможности решения хорватского вопроса, обретения национальной государственности вне границ монархии, что отрицалось Й. Франком. В этом документе были названы новые территории, которые в соответствии с хорватским историческим государственным правом должны были войти в состав будущего политического образования. К областям, перечисленным в программах 1894 г. и партии Й. Франка в 1907 г., были добавлены Жумберак, Мариндол и Кварнерские острова, на которые партия распространяла и хорватский национальный принцип, и естественное и государственное право.

Существенно был изменён смысл второго параграфа документа 1894 г. Употреблявшийся ранее термин «корона», допускавший различные толкования в национально-политическом отношении, был заменён на термин «король», что подчёркивало отрицательное отношение партии к единому акту коронования и политическому единству Хорватии и Венгрии. Независимость Хорватии от Венгрии подчёркивалась и в третьем пункте программы партии М. Старчевича. В нём более не упоминалось о наличии общих дел с Венгрией, а шла речь лишь «об общих делах Хорватии с остальными землями Его Величества в соответствии с Хорватской прагматической санкцией 1712 г.». Фактически Хорватия оказывалась вне границ Венгрии и должна была иметь с ней дело как с равноправным партнёром. Это был проект переустройства монархии на основах триализма без изменения социально-политических принципов государства.

Противоречивыми были взгляды М. Старчевича и его партии на сербский вопрос в Хорватии. С одной стороны, они осуждали антисербскую агитацию Й. Франка, исходившую из отрицания существования сербской нации в Хорватии. Они видели в сербах союзников в борьбе с антиконституционным режимом бана Рауха и абсолютизмом вообще. С другой стороны, «милиновцы» отнюдь не были склонны признать за сербами право на участие в осуществлении государственной власти в Хорватии.

В программах Сербской национальной радикальной партии для Хорватии (18 сентября 1903 г.) и для Венгрии (принята на заседании ЦК, проходившем 7 февраля 1904 г.) сочетались прогрессивные и консерватив-

²³ Starčevićeva stranka prava. Zagreb, 1909; Knjižica u kojoj uglavnom sadržano sve što treba da svaki Hrvat znađe o jednoj pravoj starčevićanskoj stranci. Zagreb, 1909.

ные элементы²⁴. Исходя из общебуржуазной концепции гражданских прав и свобод («государство существует в равной мере для всех граждан»), СНРП требовала от существовавшего государства обеспечения условий для всестороннего развития личности каждого гражданина. Партия выступала за пересмотр австро-венгерского Соглашения 1867 г. в направлении предоставления большей самостоятельности Венгрии по отношению к Австрии и предоставления Хорватии большего самоуправления и более самостоятельного государственно-правового положения в Венгрии. Государственное единство монархии должно быть сохранено, считали радикалы, признавая общность судеб народов, населявших монархию. Партия выступала за демократизацию государственного строя, основой которого должны быть свобода, право, равенство и братство. Всё это должны обеспечивать законы, которые исключают междоусобную борьбу и обеспечат благосостояние и прогресс всем народам и отдельным гражданам монархии. Стоя на позициях соблюдения законности и эволюционизма, радикалы не помышляли о решении национальных проблем сербского народа вне границ монархии, несмотря на существование независимого Сербского государства. В частности, они поддерживали идею расторжения таможенной унии Австрии и Венгрии, что, по их мнению, должно было способствовать подъёму промышленности, в том числе и сербской, на всей территории Венгрии. В этом они расходились с ХПП. В вопросе о присоединении Далмации к Хорватии-Славонии сербские радикалы занимали двойственную позицию. С одной стороны, исходя из национального принципа, т. е. факта этнического родства всего сербского населения и необходимости его политического объединения, партия выступала за объединение. С другой стороны, «из политических принципов» она выступала против объединения до тех пор, пока не будет признано равноправие сербов с хорватами и не изменится «существующая политическая система». СНРП, подобно всем остальным хорватским и сербским партиям, выступала за демократизацию внутривластительной системы в Хорватии путём предоставления сабору законодательных прав в военных, конституционных и финансовых вопросах, расширения самоуправления, за всеобщее тайное голосование³¹.

Сербские радикалы боролись за равноправие сербов и хорватов, имея в виду прежде всего политическое равноправие. Подобно СНРП, они ратовали за гарантированное законом равноправие в употреблении этнонимов «хорват» и «серб», требовали государственной помощи сербским культурно-просветительным учреждениям, признания равноправия вероисповеданий и языков, отстаивали право на использование сербского знамени как национального символа. СНРП поддерживала лозунг «Восток – восточным народам», выступая против экспансии правивших кругов монархии. Это означало косвенное требование неприкосновенности Сербии и

²⁴ Программа партии изложена по изданию: Књижица за чланове српске народне радикалне странке (са програмом странке и правилником о организацији). У Новоме Саду, 1907.

осуждение окончательного включения Боснии и Герцеговины в состав монархии и присоединения этих областей к Хорватии.

Политическая программа для Венгрии не имела принципиальных отличий от программы для Хорватии. СНРП прежде всего подчеркивала неприемлемость концепции «венгерской политической нации», отрицавшей индивидуальность сербского и других невенгерских народов Трансильтании. Политическая же часть программы содержала общие для всех партий требования демократизации.

Так называемая автономная программа была тесно связана с предыдущей частью. Так же как и «независимцы», радикалы использовали ссылки на законы, касавшиеся сербского населения, в отличие от СННП критически относились и к закону 1868 г., и к постановлению сабора Хорватии от 14 мая 1887 г., поскольку те были приняты без консультаций с национально-церковным сабором и ограничили автономные права. В программе СНРП отсутствовала ссылка на законы 1790–1791 и 1848 гг. Выступая за пересмотр полномочий национально-церковного сабора, радикалы шли дальше «независимцев». Они требовали предоставления сабору права на законном основании принимать окончательные решения, не подлежащие высочайшему утверждению со стороны венгерских государственных органов.

Партия также добивалась признания равноправия всех народов Венгрии на пересмотр закона о национальностях 1868 г. Таким образом, и в программе СНРП была четко выражена тенденция к приданию национально-церковной автономии политического характера. В мирный период развития Австро-Венгрии – до начала Первой мировой войны, в конце концов принципиально изменившей соотношение между центристской и центробежной тенденциями, программа национальных движений югославянских народов, как и других народов монархии Габсбургов, исходила из сохранения единства государства. Её важнейшими элементами были реформы национально-государственного устройства, обеспечение административно-политического единства этнических территорий, расширение автономии, предоставление нациям большего национально-политического суверенитета, обеспечение равноправного представительства в центральных органах власти, т. е. обретение национального самоопределения в рамках монархии Габсбургов под скипетром династии либо путём сохранения дуализма, либо трайлистскими или федералистскими реформами. С 1917–1918 гг. программой этих движений было образование независимых государств – национальная революция. Вопрос о завершении модернизации в Венгрии, в автономной Хорватии-Славонии и об осуществлении права наций на самоопределение уже был поставлен всем ходом исторического развития²⁵.

²⁵ См.: *Исламов Т. М., Хаванова О. В., Романенко С. А., Ненашева З. С.* Австро-Венгрия в период Первой мировой войны // *Власть и общество*. М., 2008. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. С. 415–471.

Список литературы:

1. *Stančić N.* Hrvatska nacija i nacionalizam u 19. i 20. stoljeću. Zagreb, 2002.
2. *Čipek T., Matković S.* Programni dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina 1842–1914. Zagreb, 2006.
3. *Крестућ В., Љушић П.* Програми и статуту српских политичких странака до 1918. године. Београд, 1991.
4. *Gross M.* Vladavina hrvatsko-srpske koalicije. 1904–1907. Beograd, 1960.
5. *Ibler J.* Hrvatska politika. Druga knjiga. 1904–1906. Zagreb, 1914/1917.
6. *Исламов Т. М., Хаванова О. В., Романенко С. А., Ненашева З. С.* Австро-Венгрия в период Первой мировой войны // Власть и общество. М., 2008. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны.
7. *Маткович Ст.* Хорватские политические партии и идея модернизации в начале XX века // Австро-Венгрия, Центральная Европа и Балканы с XI до начала XX века. М.; Ставрополь; СПб., 2011.
8. *Романенко С. А.* Католицизм и православие в формировании хорватской и сербской наций на территории Хорватии, Славонии и Далмации // Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999.
9. *Фрейдзон В. И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970.

**STRUCTURE AND FUNCTIONS OF NATIONAL CONSCIOUSNESS
OF JUGOSLAVJAN AVSTRO-VEHGRII (END XIX – THE XX-TH
CENTURY BEGINNING)**

S. A. Romanenko

*The Russian Academy of Sciences,
Institute of Economy, the Center of political researches, Moscow*

The paper devoted to the problem of formation of the national consciousness the South Slavs of Austria-Hungary in the late dualism period. Author analyzed interrelations of political, confessional, linguistic, social and other factors and their influence to ideologies of conservative, liberal, Christian trends in social mind.

Keywords: Austria-Hungary, empire, monarchy, national consciousness, national self-determination, political parties.

Об авторе:

РОМАНЕНКО Сергей Александрович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований Института экономики РАН.

ROMANENKO Sergey A. – Ph.D. (History), principal research associate, Center for Political Studies of the Institute of Economy of Russian Academy of Sciences.

E-mail: serg.hist@gmail.com

Статья поступила в редакцию 05.05.2011.